

Глава 9

К новой модели общественного устройства

§ 1. Советское общество на переломе

Социокультурные предпосылки кризиса. Шестидесятые годы стали переломными в истории советского общества. До этого времени сложившаяся в СССР модель хозяйствования достаточно успешно решала встававшие перед страной задачи. К началу 60-х гг. в Советском Союзе ценой огромных усилий и жертв был создан мощный индустриальный и научный потенциал. Только на территории Российской Федерации функционировало свыше 400 отраслей и подотраслей промышленности, включая авто- и кораблестроение, нефтехимию и электронику. Страна первой в мире вышла в космос, овладела новейшими военными технологиями. Не менее впечатляющим результатом ускоренной модернизации по «социалистическому проекту» стала демографическая революция, изменившая жизнедеятельность и характер естественного воспроизводства населения. Советское общество стало не только индустриальным, но городским и образованным.

По данным ЮНЕСКО, в 1960 г. СССР делил 2—3-е место в мире по интеллектуальному потенциалу страны. Доля населения, занятого в сельском хозяйстве, сократилась с 80% (1928) до 25% к концу 60-х гг., а в промышленности и строительстве возросла с 8 до 38%. Соответственно изменилась и структура валового национального дохода: доля промышленности и строительства увеличилась с 29 до 42%, а сельского хозяйства, наоборот, уменьшилась с 54 до 24%.

Тем не менее к середине XX в. модернизирующие процессы в СССР были далеки от завершения. Советский Союз еще не был подлинно индустриальной державой. И в экономике, и социальной сфере оставалось много архаичных, доиндустриальных черт.

Экономика была плохо сбалансированной, требовала для своего роста постоянного наращивания производственных ресурсов. Тяжелая и сырьевая отрасли промышленности, а также военно-промышленный комплекс, представлявший собой «государство в государстве», совершенно замкнутую технологическую группу, развивались успешно, чего нельзя было сказать о гражданских отраслях машиностроения, практически лишенных притока новейших технологий и обреченных на отставание.

К 1970 г. СССР превосходил США по уровню производства угля, кокса, тракторов, цемента. Железной руды, к примеру, добывалось в 6 раз больше, чем в США, и примерно во столько же раз меньше производилось предметов потребления.

Гипертрофия добычи ресурсов и первичной обработки тяжелого машиностроения определяли максимальную энергоемкость производства. На Западе для производства одного килограмма потребляемой человеком продукции расходовалось четыре килограмма исходного материала, а в СССР — сорок.

Хронически отставал аграрный сектор экономики. Страна, имея более половины мировых площадей черноземов (в 1985 г. площадь всех сельхозугодий СССР составляла 607,8% млн. га, из них 227,1 млн. га пашни), не могла накормить население, создать надежную базу для развития индустрии и сферы услуг.

При достаточно высоком удельном весе валового внутреннего продукта СССР, составлявшего 10% мирового, на долю СССР приходилось лишь 4% объема мировой торговли, тогда как на долю США — около 14%. Замкнутость стала своего рода официальной доктриной, вытекавшей из идеологии «вражеского окружения». Мировая экономика по-прежнему рассматривалась как источник неприятностей и бед, а независимость от нее представлялась громадным достижением.

Таким образом, советская экономика носила автаркический и «самоедский» характер, ее большая часть работала не на человека, а на себя. Не меньшую опасность для будущего развития советского общества представляли диспропорции, подспудно накапливавшиеся в социальной сфере.

В результате форсированной урбанизации численность городского населения быстро росла, но советское общество по-прежнему оставалось полу городским, несло на себе печать промежуточности, маргинальности. Советские люди в своем большинстве были горожане в первом поколении: наполовину или четверть крестьяне. Вырванные индустриализацией из своих родных мест, оказавшись в совершенно новой и чуждой для них городской среде, они довольно быстро обнаружили отсутствие навыков самостоятельного участия в общественной жизни, недостаточную гражданскую зрелость. Советская урбанизация не сопровождалась также формированием полноценной городской среды, ростом динамичного, инициативного и экономически независимого среднего класса, хранителя городской культуры и одновременно создателя новых духовных ценностей.

В период с начала 60-х до начала 80-х гг. при росте численности населения почти на 25% (по переписи населения 1959 и 1979 гг.) наметилась устойчивая тенденция к снижению рождаемости и увеличению смертности населения. Прирост численности населения СССР за эти годы происходил за счет народов Средней Азии: более 100% имели узбеки, туркмены, таджики, близко к ним стояли азербайджанцы, казахи; 40% имели грузины, армяне, молдаване. Наиболее низкий прирост наблюдался у русских (20%), украинцев (13%), белоруссов (19,5%), литовцев, латышей, эстонцев.

В эти годы продолжался, постепенно затухая, структурный сдвиг в занятости и расселении населения. Миграция сельских жителей в города и на «ударные стройки» составляла около 2 млн. в год. Из деревень в города переселилась еще 1/5 населения страны. Если в 1939 г. в городах проживало 60,4 млн. человек, то к началу 1980 г. городское население страны насчитывало уже более 163 млн. Переход значительной части населения из разряда сельских жителей в городские существенно сказался на развитии общества в эти годы. Культурный мир новых горожан резко изменился за счет доступа к новым видам и формам труда, к более сложным урбанизированным отношениям, но сами города приобрели новые черты. Одним из свидетельств этого стало широкое распространение зародившейся в годы первых пятилеток специфической барачной субкультуры с соответствующим типом «промежуточного», маргинального человека.

С 1970 по 1985 г. численность рабочих в стране увеличилась на 16,8 млн. человек, что более или менее обеспечивало возможность экстенсивного развития экономики. Однако сверхиндустриализация исчерпала возможности человеческих ресурсов, создав тем самым естественный предел для развития экономики вширь. Из года в год прирост трудовых ресурсов в промышленности сокращался, а их качество неуклонно снижалось. В общей численности рабочих и служащих в начале 80-х гг. женщины составляли 51%, тогда как даже в послевоенном 1950 г. этот показатель был равен 47%. В стране насчитывалось около 20 млн. инвалидов, более 21 млн. алкоголиков, 5,3 млн. человек страдали различными психическими заболеваниями.

В эти годы быстро росла численность интеллигенции. Высшее образование имело высокий престиж, и это способствовало тому, что основная часть молодежи после окончания средней школы устремлялась в вузы. В начале 80-х гг. специалисты, получившие высшее и среднее специальное образование, составляли 32,7% городского населения. В результате возник определенный дисбаланс рабочих мест — технические и инженерные должности в городах были заполнены с избытком, зато образовались вакансии рабочих мест, не требующих особой квалификации и связанных в основном с физическим трудом. Ставка на всеобщую автоматизацию процесса производства в этот период себя не оправдала. Труд инженерно-технических работников начал постепенно обесцениваться. Уравниловка при оплате труда в течение многих лет способствовала тому, что даже высококвалифицированные рабочие начинали терять интерес к труду. В научно-исследовательских институтах работа большей части сотрудников сводилась к «отсиживанию» на рабочем месте, их потенциал оставался невостребованным, в результате — потеря квалификации и деградация специалистов.

Этот процесс усилила система жесткого распределения молодых специалистов. Получая по «разрядке» выпускника вуза или техникума, предприятие не могло обеспечить его работой по специальности и вынуждено было его использовать на «подхвате» для выполнения технической или неквалифицированной работы. Ввиду оттока большого числа людей из сельской местности там стали возникать трудности из-за нехватки рабочих рук. В результате получила большое распространение практика «шефской помощи» колхозам и совхозам.

Многие годы советское общество было одним из самых мобильных в мире. Доступное всем слоям бесплатное образование открывало перед каждым широкие возможности для продвижения. В то же время, в силу сохранявшегося все годы Советской власти внеэкономического принуждения, оно оставалось по существу сословным. Внеэкономический силовой характер перекачки людских ресурсов государством порождал и закреплял жесткую систему социальных рангов и статусов. Юридически они не были закреплены. Место правового закрепленного социального статуса заняло идеологическое и партийное. Человек продвигался вверх или спускался вниз по социальной лестнице в зависимости от идеологической лояльности и партийности. Особые функции социальных групп, их фактическое правовое неравенство вели к уничтожению «социальных лифтов», к все большей замкнутости этих групп, превращению их в касты.

Таким образом, отягощенная грузом многочисленных неразрешимых противоречий, советская система оказалась объективно не готова к глобальным переменам в характере и тенденциях развития мировой экономики, человеческой цивилизации в целом, начавшимся на рубеже 50—60-х гг.

Компьютерная революция, означавшая начало нового этапа НТР, совпала во времени с мировым энергетическим кризисом, многократным подорожанием нефти и других энергоносителей.

Технологическое отставание не позволило СССР быстро наладить выпуск нового поколения ЭВМ — персональных компьютеров. В течение долгого времени работа советской промышленности оценивалась главным образом по количественным показателям. В таких условиях промышленность и наука мало нуждались друг в друге, с одной стороны, предприятия не предъявляли постоянного спроса на научные разработки. С другой стороны, ученые, не имея спроса на свою «продукцию», часто занимались никому не нужной тематикой. Вследствие этого, несмотря на рост расходов на научные разработки из государственного бюджета, советская наука неуклонно теряла позиции даже в таких областях, где ранее лидировала. Высадка в июле 1969 г. на поверхность Луны американских астронавтов во главе с Н. Армстронгом покончила с лидерством Советского Союза в освоении космического пространства. За весь послевоенный период советские ученые получили в 14 раз меньше Нобелевских премий, чем американские ученые, хотя в научной сфере СССР было занято почти в два раза больше сотрудников.

«Отставание в развитии и использовании вычислительной техники, — констатировал впоследствии академик Н.Н. Моисеев, — было на самом деле симптомом, точным индикатором абсолютно смертельной болезни».

Мировой кризис обнажил (пока главным образом для внешних наблюдателей, поскольку внутри страны симптомы кризиса, а тем более необходимость смены общественного строя мало кто ощущал) односторонность, а в конечном счете тул и новост советской модели модернизации, во многом повторявшей черты и формы дореволюционных, имперских моделей модернизации, в ряде принципиальных моментов углублявших их недостатки.

Как и до революции, государство, власть, «верхи», а не общество, народ являлись главным инициатором и проводником реформ. Необходимость догнать Запад диктовала более высокий темп индустриализации, огромные инвестиции в тяжелую индустрию. Это в конечном счете оборачивалось неразвитостью социальной сферы и общественных сил,

заинтересованных в переменах, закрывало всякую легальную возможность формирования и деятельности оппозиции.

В условиях «догоняющего развития» Советская власть во имя грядущего торжества равенства и социальной справедливости абсолютизировала российские традиции коллективизма, соборности, основанные на полновластии большинства, признававших только «мы», исключавших несогласие и тем более оппозицию.

Без сдерживающего фактора индивидуализма в советском обществе, без демократических свобод, при отсутствии гражданского общества в СССР произошла подмена цели средствами, главной жертвой которой стала свобода как необходимое, хотя и не единственное условие развития человека, его инициативы и предприимчивости.

Вместо расширения индивидуальных и коллективных свобод, являвшихся сутью всех органических модернизаций в мире, целью советской модернизации в 30—50-е гг. становится выборочное заимствование технических и организационных достижений более развитых западных стран. Без соответствующих им естественных форм жизнедеятельности западных обществ, таких, как рынок, гражданское общество, правовое государство, технические и технологические заимствования лишь маскировали прогрессирующее отставание СССР от передовых стран Запада, ставили его в заведомо проигрышную позицию вечно догоняющего.

Советская система могла быть и была эффективной до тех пор, пока внутренняя потребность в свободе для советских граждан была минимальной и вполне замещалась потребностью в равенстве, пусть даже и в нищете. Пока свобода граждан и экономики не была фактором выживания системы.

Ситуация кардинально меняется к началу 70-х гг. Многократное подорожание энергоносителей заставило развитые государства мира быстро осуществить структурную перестройку промышленности, перейти на новую организацию производства, освоить ресурсосберегающие и так называемые «высокие» технологии.

Советская модель хозяйствования, лишенная гибкости и внутренних импульсов саморазвития, не смогла ответить тем же: обеспечить в новых условиях высокую эффективность и социальную направленность экономики. Идеологические догмы и непосредственно связанные с ними ограничения на свободу слова, передвижения (в секретной части постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 августа 1974 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР» имелись статьи, запрещающие, в частности, политическим заключенным возвращаться на прежнее место жительства, и т.п. ограничения), индивидуальный выбор по своей сущности, противоречили главному императиву НТР — наличию в обществе инициативной, самостоятельной, думающей личности.

Преобладание в советском обществе «спартанского» типа личности, ориентированной на указания «сверху», строгое выполнение санкционированных государством ролей, вопреки всем партийным установкам блокировало «разворачивание НТР», современных гражданских производств в стране. Закрытость советской системы, недемократичность, отсутствие в ней обратных связей между властью и народом неотвратимо вели ее в тупик. Уже в 60-е гг. начинается медленное, но верное саморазложение системы. Прежде всего меняется социальный вектор развития. Сутью своеобразного, молчаливого соглашения между брежневским режимом и населением СССР становится ориентация общества на потребительские стандарты, «потребительское» общество. Ко времени провозглашения «эпохи развитого социализма» в Советском Союзе происходит становление нового типа личности с иной, чем прежде, иерархией ценностей. На смену «спартанскому» типу с потребностями «ссылнопоселенца», с четким делением людей на своих и чужих, человеку-винтику приходит человек, нуждающийся в целом мире вещей, ценностях семьи, самоуважении. Потребности нового социального типа личности в автомобилях, дачах, дорогой электронике, модных вещах и украшениях, объективно возникающие в силу

усложняющегося общественного производства, переходу от коммуналок к отдельным квартирам, «демонстрационному эффекту» западных потребительских стандартов, ни по масштабам средней зарплаты советского человека, ни по производственным возможностям советской бюрократизированной и милитаризированной экономики не могли быть в те годы удовлетворены. Реальностью начала 70-х гг. становится их трудноразрешимый в рамках существующих отношений конфликт.

Внутренние потребности общества в большей свободе граждан в плюрализме мнений и деятельности находят в 70-е гг. отражение в появлении новых параллельных структур ив экономике, и в социальной организации советского общества, и в идеологии. Наряду с «плановой» централизованной экономикой укрепляются «цеховики», разрастается «теневая экономика», дающая возможность распределения продукции и доходов в соответствии с предпочтениями потребителей; рядом с официальной атеистической коммунистической идеологией возникает разноликое диссидентство, наряду с рабочим классом, колхозным крестьянством — предпринимательские слои, номенклатура.

Вялая борьба брежневского режима с этими «чуждыми социалистической системе элементами» придает им уродливый, криминальный характер, но не останавливает разложение системы.

Ростки гражданского общества. Важнейшим следствием хрущевской либерализации становится резкое возрастание в советском обществе критического потенциала, кристаллизация независимых от государства ростков, разрозненных элементов гражданского общества. Начиная с конца 50-х гг. в Советском Союзе образуются и заявляют о себе различные идейные течения, неформальные общественные объединения, оформляется и крепнет общественное мнение. Именно в духовной сфере, наиболее устойчивой к тотальному государственному вмешательству, в эти годы происходит быстрый рост элементов и структур гражданского общества. Другая важная особенность этого процесса, обусловленная стремлением Советского государства к полной управляемости, контролируемости, планируемости общественной жизни, — быстрая эволюция независимых общественных сил — от попыток улучшения советской системы, борьбы с отдельными ее недостатками к различным формам сопротивления диктату государства и, наконец, отрицанию в целом «социалистического» общественного строя.

Нелегитимность альтернативных официальным отношений, структур, форм поведения заранее лишала их широкой общественной поддержки, обрекала зарождающиеся гражданские структуры на односторонность, конфликтность, маргинальность. Противостояние брежневскому режиму в 70-е гг. — удел отдельных личностей или крайне малочисленных групп граждан. Они начиная с середины 50-х гг. пытались сформулировать общие требования в социально-экономической области. Группы Краснопевцева и генерала П. Григоренко в Москве, «Колокол» в Ленинграде в своих программах и распространяемых листовках выставляли требования свободы слова, печати, освобождения политзаключенных, повышения заработной платы рабочим и стипендий студентам, улучшения жилищных условий. Инициатором создания первого в СССР независимого профсоюза стал донбасский инженер В. Клебанов. Нелегальность положения групп делала их деятельность неэффективной. Информация о них доходила до общественности в искаженном и фрагментарном виде.

В основе позиции большинства людей, причислявших себя к «детям XX съезда», лежало искреннее убеждение, что открытая конфронтация с властями — удел одиночек, ненужная бравада. Свое предназначение они видели в повседневной конструктивной работе на пользу отечества. Одной из распространенных форм критического осмысления действительности, демократизации советской системы становятся письма в различные правительственные инстанции, прессу, на радио. Их авторы требовали введения

конституционных гарантий против нового культа личности, права «безбоязненно мыслить и высказывать свое мнение».

Толчком к поляризации общественного сознания стал судебный процесс в феврале 1966 г. над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем, обвиненными за публикацию на Западе (под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак) литературных произведений критической направленности.

Процесс над писателями стал мощным катализатором диссидентского движения, различных форм гражданской активности. Он способствовал дальнейшему формированию в стране общественного мнения. В распространении «самиздата», сборе правозащитной информации, помощи репрессированным принимали участие многие сотни человек. Еще большее число людей пользовалось правозащитной информацией и литературой. В 60-е—70-е гг. в «самиздате» выпускаются многочисленные машинописные литературные и общественно-политические журналы: «Вече», «Поиски», «Память» — в Москве, «Сигма», «37», «Часы» — в Ленинграде и многие другие. Через «самиздат» и «тамиздат» советское общество начало познавать себя, осваивать забытое культурное наследие, знакомиться с передовой зарубежной мыслью. С их помощью опальный физик А.Д. Сахаров смог первым поднять вопрос о цивилизационном отставании России от Запада. На страницах «самиздатовских» изданий летом 1968 г. появились его «Размышления о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе», благодаря которым тысячи соотечественников стали сторонниками теории конвергенции, т.е. мирного сближения социализма и капитализма, слияния их в единое открытое плюралистическое общество. Чуть раньше определяется еще одно альтернативное официальному направление общественной мысли — приверженцы «настоящего социализма», «социализма с человеческим лицом», историк Рой Медведев и его сторонники видели несовершенство советского общества в недостаточной его демократизации и считали возможной его модернизацию и реформирование. Массовое разубеждение в способности советского общества к демократизации после подавления «пражской весны» создало почву для «неославянофильского» направления общественной мысли. Его знаменем становится к середине 70-х гг. А.И. Солженицын. Идеи возвращения к дооктябрьским понятиям и ценностям — православию, сословной беспартийной монархии, величию России, семье — находят определенную поддержку в общественном мнении. Тогда же начинается постепенный отход сторонников русского национального движения от правозащитников, большинство которых разделяли либеральные ценности.

С середины 70-х гг. начинается новый — «хельсинкский» — этап диссидентского и правозащитного движения. В мае 1976 г. физиком Юрием Орловым была создана общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, которая собирала и анализировала материалы о нарушениях прав человека в стране и направляла свои отчеты правительствам всех стран — участниц соглашения, в советские государственные органы. В сфере правозащитной деятельности в 70-е гг. формируется целый ряд независимых от государства организаций: Инициативная группа защиты прав человека (май 1969 г.), Комитет прав человека (1970), Московская и республиканские группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений (начиная с 1976 г.), Комитет защиты прав верующих, Комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях. Важнейшей функцией диссидентского движения в СССР было формирование и сохранение определенных общественных идеалов, утверждение самооценности и суверенности личности. «Диссидентские» лозунги гласности, демократизации общественной жизни, создания правового государства, радикальной реформы в экономике, открытого общества находили отклик в среде писателей, философов, художников. Нравственным ориентиром в литературе до 1970 г. оставался руководимый А. Твардовским журнал «Новый мир», важным событием духовной жизни стали публикация журналом «Москва» романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». В эти годы театр становится мощным средством противостояния господствующему

конформизму. Пользуясь любой возможностью, прогрессивные режиссеры пытались откликнуться на важнейшие события общественного бытия.

В 70-х — начале 80-х гг. вновь возрождающееся гражданское общество делало лишь первые, робкие шаги. Укорененность в народе советских реалий, мощь репрессивной государственной машины сдерживали процесс становления независимых от государства институтов. Как следствие этого, советское общество на рубеже 80-х в массе своей еще не переросло старые социокультурные рамки. Для кардинального, революционного перехода общества в новое состояние требовалась внешняя сила. Такой силой стал правящий класс.

Новый класс у власти. В 30—50-е гг. главным субъектом модернизации в СССР являлось государство в лице И.В. Сталина и очень узкого круга его соратников из числа членов Политбюро ЦК, а главным ее критерием и ориентиром — «военная мощь» и «динамика развития».

В 60—70-е гг. ключевая роль в управлении советским обществом, определение характера и темпов его развития переходят к «новому классу», классу управляющих. После отстранения Н.С. Хрущева от власти происходит окончательное формирование этого класса как мощной политической силы. И в сталинский период высший слой партийных и хозяйственных функционеров был наделен огромной властью и привилегиями. Тем не менее в те годы отсутствовали признаки целостности, сплоченности и, следовательно, консолидации номенклатуры как класса. Шаг за шагом этот привилегированный слой укреплял свое положение. Идея сохранения власти, расширения льгот и полномочий спланировала, объединяла его ряды. Однако до середины 50-х гг. любой самый высокопоставленный представитель «нового класса» был лишен личной безопасности, испытывал постоянный страх за свою судьбу, свою карьеру, целиком зависел от воли «хозяина». Сталин репрессиями и подачками держал номенклатуру «в узде», блокировал ее стремление «приватизировать» свою власть, превратить ее в собственность. Не в малой степени этому способствовала и коллективистская коммунистическая идеология, вера революционеров первого призыва в скорое осуществление идеала социального равенства.

Но чем больше появлялось у правящего слоя материальных возможностей, чем больше деградировала революционная идеология, тем острее становилась потребность в настоящей собственности не только на предметы потребления, но и на промышленные и сельскохозяйственные предприятия и землю. К тому же и сами привилегии — госдачи, персональные автомашины, спецпайки — имели относительный статус: их нельзя было передать детям в качестве наследства.

После смерти Сталина «правлящий класс» освобождается от страха за собственную жизнь, обретает стабильность. С приходом Брежнева к власти номенклатура освобождается от многих моральных запретов. Основную часть аппарата 60—70-х гг., управляющего партией и страной, составляли люди, начинавшие карьеру после репрессий 30-х гг. В отличие от большевистских руководителей первого призыва они были лишены фанатической веры в социальную справедливость. Основу «нового класса» составлял высший слой партийных функционеров. В 60 — 70-е гг. ряды «класса управляющих» расширяются за счет верхушки профсоюзов, ВПК, привилегированной научной и творческой интеллигенции.

Его общая численность достигает 500—700 тыс. человек, а вместе с членами семей — порядка 3 млн., т.е. 1,5% всего населения страны.

Новое поколение номенклатуры несло с собой и новые настроения. По уровню общей культуры, профессиональным знаниям оно было на голову выше старого поколения: все имели высшее образование, а многие и ученые степени, неоднократно бывали на Западе, пользовались плодами «потребительского общества». Для нового поколения правящего класса марксистская идеология была лишь привычной риторикой.

Соответственно меняются и представления номенклатуры о характере развития советского общества. Новые элементы, внесенные в социалистическую систему в годы хрущевской «оттепели» и хозяйственной реформы 1965 г., такие, как социалистическая законность, материальное стимулирование, хозрасчет, прибыль, расширили диапазон возможных путей развития советского общества в рамках официальной доктрины. Если в середине 60-х гг. номенклатура предпочитала стабильное, даже стагнирующее развитие (к каким бы кризисным последствиям оно ни вело), то в 70-е гг. сначала такой целью становится «социалистически оформленная модернизация», т.е. постепенная трансформация существующего общества, не требующая слома режима и других серьезных потрясений, а затем и «неидеологическая модернизация». «Давайте решим, как правильно делать, — предлагал на лекциях известный профессор А. Бирман, — а Цитаты из классиков мы подберем».

Не менее важная трансформация происходит в эти годы в распределении функций и, следовательно, реальной власти внутри правящего класса. Уже к концу хрущевского «великого десятилетия» возникли многочисленные корпоративные структуры со своими интересами и рычагами власти.

В партийных органах формировались «министерские лобби», на предприятиях действовали «толкачи», которые «пробивали» для своего министерства, региона, предприятия фонды, капитальные вложения, заниженные плановые показатели. Хозяйственная элита в условиях всеобщего дефицита, имея на руках материальные, финансовые и трудовые ресурсы, реально формировала и направляла власть, участвовала в выработке политического курса страны. В борьбе за свои интересы верхний эшелон хозяйственников широко опирался на работников своих отраслей экономики. Рядовые строители и ИТР Минводхоза не меньше чиновников были заинтересованы в реализации разорительного для страны и губительного для природы проекта переброски стока великих сибирских рек на юг. Реализация этой «стройки века» гарантировала бы им на многие годы работу и повышенную зарплату.

Монопольные, корыстные интересы хозяйственников и региональной элиты, усилившиеся в результате хрущевских реформ, ослабляли власть центра, разрушали монолитность, целостность советской системы.

Импульсивные реформаторские действия Хрущева, который чувствовал, что власть уходит из рук, во многом определялись именно этим обстоятельством.

Под воздействием хозяйственных элит (особенно из ВПК) более прагматичными становятся идеологическая и региональная элиты, которые все более ориентировались на динамическое развитие экономики страны и социальную стабильность. Таким образом, советский правящий класс, несмотря на острую борьбу и разногласия составляющих его элит, становится все более сплоченной социальной группой, реально осуществляющей свое всевластие в стране.

Созданная брежневским руководством атмосфера безнаказанности и вседозволенности окончательно меняет общественную психологию и поведение правящего класса. Формируется закрытый для посторонних «свой круг», в котором поддерживалось ощущение собственной исключительности, пренебрежительное отношение к нравственным ценностям, к простым людям.

«Обкомовские чиновники, — констатирует в своем дневнике публицист И. Дедков, — в большинстве были важны и как бы заключали в себе некое преимущество перед прочими. Это было написано на их лицах: они знали и ведали то, что не знали и не ведали мы».

У многих высокопоставленных руководителей накапливались уже не предметы потребления, а капиталы. Сам Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, искренне считавший, что в стране «на зарплату» никто не живет, коллекционировал иностранные автомобили. Использовал власть для личного обогащения министр внутренних дел Н.А. Щелоков.

Погрязли в коррупции Узбекистан, Казахстан, Киргизия, где огромные суммы денег перекачивались в виде взяток в карманы первых секретарей обкомов и их окружения. Так называемое «узбекское дело» раскрыло масштабы их коррумпированности в 80-е гг.

Главным источником обогащения, «предпервоначально-го» накопления капитала правящего класса в 60-х — начале 80-х гг. становятся всевозможные злоупотребления должностями, систематические взятки, приписки, протекционизм, «зоны вне критики». Хозяйственная реформа 1965 г., оживившая товарно-денежные отношения в стране, дала мощный импульс собственническим ориентациям номенклатуры. Крупные расхитители, взяточники перестают скрывать нажитое нечестным путем богатство, а охотно выставляют его напоказ. Возрастают значимость и цена людей «полезных», способных что-либо достать и чем-либо помочь. Через систему привилегированного образования, а затем и назначений и выдвиганий по службе «новый класс» пытается создать систему передачи власти или хотя бы привилегий по наследству.

Следующим закономерным шагом перерождения советской правящей элиты становится фактический переход высших государственных чиновников, министров, директорского корпуса от роли управляющих «социалистической» собственностью к положению ее реальных хозяев. К середине 80-х гг. окончательно сформировавшийся «новый класс» по существу уже не нуждался в общественной собственности и искал выход для возможности свободно управлять, а затем и владеть собственностью своей, личной, частной.

§ 2. Новые попытки модернизации страны

Реформы экономики 60-х — 70-х гг. Объективная необходимость кардинальных, революционных, а не эволюционных перемен в советской экономике назрела уже к концу 50-х — началу 60-х гг. Оторванность планирования от жизни, отраслевого управления от регионального, монополия производителя в условиях всеобщего дефицита, незаинтересованность предприятий в научно-техническом прогрессе — все это требовало коренных преобразований уже тогда.

Экономическая реформа 1957 г. не улучшила положение в народном хозяйстве. Оно развивалось экстенсивно, ресурсоемкость экономики нарастала, а эффективность падала. Серьезных структурных изменений также не произошло. Главным предметом экспорта по-прежнему оставались нефть и другие виды сырья.

Уже в конце 50-х гг. отчетливо обозначился спад темпов экономического развития. Замедлился рост национального дохода. В 1961—1965 гг. он вырос всего на 5,7%. Это было намного меньше, чем в предыдущую пятилетку, и недостаточно для решения основных социально-экономических задач. В эти же годы за счет роста производительности труда было получено лишь 62% прироста промышленной продукции, а 38% — за счет быстро возрастающей численности рабочих. Все это свидетельствовало об отсутствии заинтересованности предприятий в эффективном использовании основных и оборотных фондов, во внедрении достижений научно-технического прогресса.

К началу 60-х гг. экономистам и руководителям производства стало ясно, что хозяйственный механизм устарел. Для преодоления «временных» трудностей требовались иные методы управления экономикой, иные принципы планирования. Из центра было невозможно путем прямого администрирования управлять десятками тысяч промышленных предприятий и организаций. В связи с этим проблема совершенствования управления и планирования становится главной в научных дискуссиях, развернувшихся в конце 50-х — начале 60-х гг. Математическая школа (Л. Канторович, В. Немчинов, В. Новожилов) сосредоточивается на поиске «оптимального планирования», вновь в научный оборот вводятся такие ранее отвергнутые понятия, как полезность, редкость, маржинальный счет. После статьи в газете «Правда» в 1962 г. Е. Либермана в прессе разворачивается дискуссия о возможности использования прибыли в качестве критерия

эффективности работы предприятия. Часть ученых доказывала необходимость перехода к экономическим методам управления, активизации товарно-денежных отношений.

Необходимость перемен ощущало и советское руководство. Венгерское восстание и польские события 1956 г. недвусмысленно предостерегали против бездействия. Непоследовательные, хаотичные реформы Н.С. Хрущева не заложили прочной правовой и политической основы для последовательной и эффективной модернизации. 14 октября 1964 г. на Пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев был смещен со всех государственных и партийных постов и отправлен на пенсию. По существу, его смещение отвечало глубоким интересам и потребностям общества. Однако сделано это было тайно от народа, без гласного обсуждения и анализа уроков реформ. Главным результатом противоречивого десятилетия стало утверждение в стране более свободной атмосферы, в жизнь вошло поколение людей, не знавших тотального страха.

Официально провозглашенный после октября 1964 г. курс нового руководства на дальнейшее развитие социалистической демократии, освобождение партии от несвойственных ей хозяйственных функций, на научное руководство обществом был заранее обречен на неудачу. Назначенный первым секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежнев представлял собой полную противоположность Хрущеву своей смелостью, жаждой новизны и перемен. И по характеру, и по интеллекту Брежнев не обладал качествами руководителя великой державы, необходимыми для реализации коренного обновления общества. Брежнев не был теоретиком, не задумывался глубоко над стратегией и перспективами развития страны. Он, по отзывам ближайшего окружения, не любил, когда ему предлагали слишком «теоретизированные» фрагменты в проектах его речей и выступлений. Отсюда и такие качества нового лидера, как исключительная осторожность при принятии серьезных решений, постоянная потребность выслушивать советы. Брежнев оказался у руля Советского государства в результате сложного переплетения политических сил. Многие в руководстве страны рассматривали его как временную фигуру. В стране ощущалась усталость от нововведений Хрущева. Слабость Брежнева как руководителя открывала широкие возможности для всевластия партийно-государственной бюрократии. Ее социальный заказ состоял вовсе не в том, чтобы в интересах народа «строго соблюдать ленинские нормы партийной жизни и принципы коллективного руководства», устранить волюнтаризм и субъективизм, а в обеспечении ей режима наибольшего благоприятствования. Выдвинутый Брежневым лозунг «стабильности» означал отказ от всяких попыток радикального обновления общества. В руководстве республик и областей, министерств практически прекратились перемещения. Глубинные причины кризисных явлений продолжали действовать.

Встав во главе партии и советского общества, Брежнев и сформированная им «команда» на первых порах вынуждены были продолжать курс XX и XXII съездов КПСС. Вновь был провозглашен принцип коллективного руководства. На смену поспешным реорганизациям народу были обещаны научно обоснованные долгосрочные комплексные программы.

В стране возникло мощное технократическое движение, повсеместно велись разговоры о способах совершенствования управления хозяйством, научной организации труда (НОТ), автоматизированных системах управления, изучался зарубежный опыт менеджмента. Именно тогда впервые всерьез заговорили о ценовой реформе, призванной привести в соответствие с требованиями НТР стоимостную структуру производства и цену рабочей силы. Искусственная дешевизна рабочей силы, доставшаяся в наследство от сталинского времени, низкая зарплата приводили к тому, что предприятиям было невыгодно внедрять новые технологии, проще и дешевле было нанять новых людей для ручных операций. В результате в промышленности почти половина людей была занята на подсобных работах, что не соответствовало требованиям времени.

Вокруг Л.И. Брежнева на начальном этапе его деятельности образовалась группа прогрессивных советников, в которую входили Г. Арбатов, Н. Иноземцев, А. Бовин.

Брежнев называл их «мои социал-демократы». Воодушевленные идеями перемен, специалисты с энтузиазмом работали над проектами реформ, но вскоре эта деятельность начала затухать: система быстро дала понять, что даже самые правильные директивы реально мало что могут изменить. Тем не менее вскоре после отстранения Хрущева от власти была реабилитирована генетика. В феврале 1965 г. президент АН СССР М.В. Келдыш решительно осудил Т. Лысенко, августовскую сессию ВАСХНИЛ 1948 г. и административные меры, которые за ней последовали. Наконец, стала возможной открытая научная критика так называемой мичуринской биологии.

Были исправлены некоторые «волюнтаристские» ошибки прежнего руководства, главным образом не устраивавшие партийно-государственную бюрократию.

Выбор дальнейших путей развития страны происходил в условиях противоборства мнений в верхнем эшелоне власти. Одна его часть во главе с А.Н. Шелепиным ориентировалась на консервацию сложившихся методов руководства, другая (секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов и др.) предлагала достаточно емкую программу преобразований, включавшую в себя и экономическую реформу, и развитие демократии и самоуправления, и прекращение бессмысленной гонки вооружений, и выход СССР на мировой рынок с целью приобщения к новым технологиям.

В конечном счете победил умеренно-консервативный курс, который разделял и Брежнев. Новый курс опирался на настроение тех слоев общества, чьи ожидания не оправдались в хрущевское десятилетие и которые теперь требовали наведения «твердой рукой» порядка.

Итоги общественных дискуссий подвел сентябрьский (1965) Пленум ЦК КПСС, поставивший задачу существенно изменить соотношение между административными и экономическими методами управления в пользу последних. Таким образом, изначально речь шла о полумерах. Реформа не меняла основ административно-командной системы. Адресное директивное планирование не устранялось, но ограничивалось всего несколькими показателями (вместо 30—9), среди которых были объем реализации продукции, фонд заработной платы, прибыль, рентабельность и др. Выполнение плана теперь выражалось не в валовых показателях, а в объеме реализованной продукции, т.е. учитывалось только то, что действительно было продано.

Предприятия получали небывалую свободу: они могли самостоятельно планировать темпы роста производительности труда, снижение себестоимости, устанавливать величину средней заработной платы.

Руководители предприятий получили возможность более свободно распоряжаться имеющейся у них прибылью — можно было использовать эти средства и на повышение заработной платы рабочим. Все это создавало заинтересованность предприятий в рентабельной работе и улучшении экономических показателей.

Процесс освоения нового хозяйственного механизма затянулся на годы. Еще до начала реформы в промышленности были ликвидированы совнархозы, руководство отраслями перешло к вновь созданным министерствам. Были организованы единый Госплан СССР, Госнаб и Госкомцен СССР. Вслед за этим весной 1965 г. была проведена реформа в сельском хозяйстве. Мартовский (1965) Пленум ЦК КПСС принял новый порядок планирования в сельскохозяйственном производстве. Вновь были повышены закупочные цены, сокращены налоги, снимались ограничения с личных подсобных хозяйств, введенные при Хрущеве. Планы закупки стали устанавливать сразу на пять лет. Имея твердый план закупки на длительный срок, предприятия могли самостоятельно составлять производственный план, определять наиболее рациональную специализацию. На первых порах эта мера способствовала росту сельскохозяйственного производства.

Осенью 1965 г. 43 предприятия легкой и пищевой промышленности были переведены в порядке эксперимента на новые условия хозяйствования. По мере накопления опыта их число расширялось, и лишь к 1972 г. удалось перевести около 90% промышленных предприятий на новые условия работы. Не удалась попытка

реформировать строительство. Номенклатуру вполне устраивал такой замедленный ход реформ. Министерства и ведомства работали по-старому. Их аппарат увеличился, возникали новые главки. Но принимать важное решение без согласия с соответствующим отраслевым отделом ЦК КПСС они не могли. В Политбюро часть его членов, включая Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного, полагали, что условия для реформ еще не созрели.

Тем не менее даже медленное, частичное реформирование промышленности дало неплохие результаты. Восьмая пятилетка (1965 — 1970), совпавшая с началом реформ, оказалась лучшей за все послевоенные годы. По официальным (завышенным) данным, валовой общественный продукт увеличился на 43%, национальный доход — на 45%, продукция промышленности выросла на 50%. Происходившее три предыдущие пятилетки снижение темпов роста производства было на время приостановлено.

Инициатору реформ А.Н. Косыгину не удалось осуществить их до конца. В силу многих причин она потерпела крушение, «ушла в песок». В чем же причины неудачи? Их несколько. Прежде всего, даже небольшое расширение самостоятельности позволило предприятиям занижать плановые задания, выбирать более легкие для себя варианты решений. В итоге начался опережающий рост заработной платы по сравнению с ростом производительности труда. А.Н. Косыгину пришлось пойти на временное, как тогда казалось, заимствование средств для покрытия бюджетного дефицита из фондов предприятий.

Кроме того, реформам, даже крайне умеренным, эволюционным, противостояли реальные силы — старые производственные отношения, сложившийся аппарат управления, закостеневшее экономическое мышление. Попытка изменить принудительную мотивацию труда на материальную недвусмысленно показала, что это ведет к немедленному разрушению всей плановой системы, и от этой идеи тут же отступили.

Реформа была обречена и по другой причине. Преобразования в экономике страны не были поддержаны преобразованиями в политической и социальной сферах.

Изменения в политической системе. Многообразие общественных интересов, складывавшееся в советском обществе на рубеже 60-х гг., требовало кардинального обновления политической системы, признания теории разделения властей, парламентского характера демократии, ликвидации монополии одной партии на власть, обеспечения уважения и расширения гарантий прав человека. Догматическая теоретическая установка партийных идеологов рассматривать советскую политическую систему полностью тождественной общественному строю, а любые попытки ее обновления трактовать как покушение на социализм не позволили осуществить изменения в политической системе в годы брежневского правления. Социальный заказ правящего класса в 1965 — 1984 гг. состоял в том, чтобы любой ценой сохранить существующее положение, статус-кво. Поэтому внешне советская политическая система в эти годы изменилась мало. Но именно курс на стабильность требовал от властей укрепления «властной вертикали», которую в эти годы упорно разъедали ведомственный монополизм и падающая политическая активность, апатия советских людей. В то же время поворот нового руководства к более жесткому, более консервативному курсу во многом был продиктован инстинктивным стремлением правящего класса восстановить разрушенную хрущевской «оттепелью» целостность советской системы.

В 60 — 70-е г. на партийных съездах, Пленумах ЦК КПСС принимались многочисленные резолюции о дальнейшей демократизации общественной жизни, об ограничении влияния бюрократического аппарата. Укрепление Советского государства, и прежде всего Советов, рассматривалось как главные вопросы официальной внутренней политики. В соответствии с этими решениями, главным образом до середины 70-х гг., были предприняты определенные практические шаги. Прежде всего были расширены полномочия сельских Советов: в их ведение перешли вопросы, бывшие ранее в

компетенции районных Советов. В сентябре 1972 г. был принят закон о полномочиях депутатов всех уровней. Однако на практике повысить роль местных Советов не удалось. Они по-прежнему не имели собственных источников финансирования и целиком зависели от средств центра. В целом Советы всех уровней оставались бессильными и безгласными. Верховный Совет СССР по существу был декоративным органом, призванным «единогласно» одобрять подготовленные аппаратом решения. Важнейшие решения, такие, как ввод войск в Афганистан в 1979 г., принимались без ведома Верховного Совета. Высший законодательный орган практически не контролировал правительство, расходы отдельных министерств и ведомств (как это принято в парламентской практике). С середины 70-х гг. сессии представительных органов всех уровней становились все короче, а заседания депутатских комиссий собирались все реже. Советы мало влияли на реальную жизнь общества.

С завершением процесса формирования номенклатурной системы фактически утрачивает свой элитный статус Коммунистическая партия. Формально она остается стержнем советской политической системы. Все крупные государственные и хозяйственные вопросы решались в партийных «инстанциях». Общественному мнению навязывался тезис о «возрастающей руководящей роли КПСС и ее становлении как партии всего советского народа». Ряды КПСС стремительно росли, достигнув к середине 80-х гг. 19 млн. человек. Однако именно быстрый рост рядов партии и сосредоточение реальной власти в исполнительных органах — бюро, секретариатах, парткомах, а фактически в аппарате (который достиг почти 500 тыс. человек) — снижали былое значение членства в партии. (Вместе с тем вступление в ряды КПСС по-прежнему являлось единственным реальным путем в «новый класс».) Как следствие бюрократизации КПСС рядовые коммунисты отстранялись от реального участия в определении политики партии, критика снизу глушилась. Партийные съезды все больше носили парадный характер. Выступления делегатов сводилось к самоотчетам и восхвалениям Политбюро во главе с «верным ленинцем» Л.И. Брежневым. Отчетный доклад Л.И. Брежнева на XXVI съезде КПСС в феврале 1981 г. прерывался аплодисментами 78 раз, продолжительными аплодисментами — 40 раз, бурными продолжительными аплодисментами — 8 раз.

Правящий класс был заинтересован в стабильности высшего политического руководства, жесткой централизации управления, позволяющей на деле контролировать общество и саму номенклатуру. По этой причине в 1965—1984 гг. кадровые перестановки в высших эшелонах власти были сведены к минимуму. В составе ключевого органа власти — Политбюро ЦК КПСС — большинство его членов находилось более 15 лет, в ЦК КПСС — более 12 лет. При этом некоторые члены его находились в ЦК от 34 лет (Б.Н. Пономарев, М.В. Зимянин) до 25 лет (М.С. Соломенцев, А.А. Громыко, Н.А. Тихонов). К началу 80-х гг. средний возраст членов Политбюро достиг 70 лет. Заседания его нередко длились лишь 15 — 20 минут.

Одним из средств консолидации правящего класса становится формирование клановых структур. Л.И. Брежнев продвигал тех, кто работал с ним в Днепропетровске, а позднее в Молдавии и Казахстане. В свою очередь окружение Брежнева делало все, чтобы раздуть его авторитет и несуществующие таланты.

Номенклатура непрерывно наращивала бюрократический аппарат. За брежневское двадцатилетие число общесоюзных и союзно-республиканских министров выросло с 29 в 1965 г. до 160 к середине 80-х гг. Тогда же общая численность управленцев составила 18 млн. человек (на 6—7 работающих — один управленец), из них около 1,6 млн. человек работало в высших и средних звеньях министерств, 11,5 млн. человек составляли управленческий аппарат предприятий и организаций, а еще 3,5 млн. — технический и обслуживающий персонал (машинистки, водители, охрана). Быстрый рост бюрократии обеспечивался многочисленными льготами и привилегиями. На содержание такого

аппарата к середине 80-х гг. ежегодно расходовалось более 40 млрд. рублей, или 10% государственного бюджета.

К началу 80-х гг. только в управлении народным хозяйством накопилось до 200 тыс. различных приказов, инструкций и других подзаконных актов, которые регламентировали каждый шаг хозяйственников, сковывали их инициативу.

Наращение противоречий в экономике. На рубеже 70 — 80-х гг. в мире начинается новый этап научно-технической революции (НТР), получивший название «микроэлектронная революция». С этого момента уровень развития той или иной страны определяется уже не количеством выплавленной стали, добытого угля, а использованием микроэлектронной техники.

По этому показателю СССР отставал не только от западных стран, но и от новых индустриальных стран (Южной Кореи, Тайваня) на десятилетия. Экономика продолжала развиваться экстенсивно, в ее основе по-прежнему находились устаревшие, традиционные отрасли по производству продукции, в которых Советский Союз уже к 1970 г. был «впереди планеты всей». СССР производил больше всех в мире стали, чугуна, кокса, железной и марганцевой руды. Устаревшие отрасли требовали колоссальных природных ресурсов — электроэнергии, металла, которые к тому же использовались нерационально, поэтому сырьевой сектор работал с перегрузками. Ресурсы страны все больше истощались. Лишь небольшую часть советской экономики составляли наиболее современные производства высокой технологии, которые полностью работали на военные заказы, а в производстве современной бытовой техники СССР также отставал на десятилетия.

В 70-е гг. экономика страны была предельно милитаризована, «работала» в основном на ВПК. В общем объеме продукции машиностроения производство военной техники составляло более 60%, а доля военных расходов в валовом национальном продукте — около 23%.

Долгие годы существования ВПК как сверхведомства, интересам которого была подчинена вся советская экономика, создали у военных определенный потребительский менталитет. ВПК не располагал стратегией развития военной экономики.

По данным зарубежных источников, в начале 80-х гг. заводы СССР в год выпускали танков в 4,5 раза больше, чем США, БТР — в 5 раз, артиллерийских орудий — в 9 раз, атомных подводных лодок — в 3 раза. При этом в оборонной промышленности США работало 2,2 млн. человек, в советской в эти же годы — 5—8 млн.

Чрезмерная военная нагрузка на народное хозяйство привела к колоссальным диспропорциям. Из-за огромной разницы издержек в разных отраслях экономики покупательная способность рубля также была различной (в «оборонке» она равнялась 4—6 долларам США, в других отраслях — значительно ниже).

В стране практически не было единой денежной системы, а потому не срабатывали бюджетные методы регулирования экономики. Госплан не мог реально поддерживать баланс инвестиций и материальных ресурсов. Планируемые цифры увеличения добычи нефти, угля, производства электроэнергии были по существу фикцией.

Министерства и ведомства, распоряжающиеся ресурсами, а с 1965 г. наделенные и государственной властью, стали крупной экономической силой, монопольно господствовавшей в своей отрасли. Практически они подчинили себе государственный аппарат.

В 70-е гг. министерства предпочитали строить новые предприятия, а не переоснащать действующие. Следствие такой политики — в стране ручным и малоквалифицированным трудом было занято более половины работников материального производства — свыше 50 млн. В годы девятой пятилетки (1971 — 1975) экономический рост фактически прекратился. Видимость благополучия народного хозяйства, сохранявшаяся все 70-е гг., обеспечивалась за счет «нефтяного допинга».

Именно экспорт нефти, цены на которую на мировом рынке выросли в эти годы почти в 20 раз, позволял стране относительно безбедно существовать, «решая» продовольственную, космическую и другие «комплексные» программы. Главным образом за счет экспорта невозполнимых природных ресурсов в 60—70-е гг. шло интенсивное освоение восточных районов страны, формировались и развивались крупные народнохозяйственные комплексы — Западно-Сибирский, Саянский, Канско-Ачинский. За эти годы появились соответствующие мировому уровню ВАЗ и КамАЗ, новые нефтехимические комплексы и предприятия оборонной промышленности.

В 70-е гг. в принципе еще были возможны другие варианты дальнейшего развития страны. Однако «пражская весна» 1968 г. всерьез напугала советское руководство. Оно увидело, что экономические формы неотделимы от политических. Поэтому даже А.Н. Косыгин, реалистичнее других членов брежневского Политбюро представлявший истинное положение в экономике, не был склонен к принятию каких-либо радикальных мер. Тем более к этому не был расположен сменивший его на посту Председателя Совмина СССР в 1980 г. Н.А. Тихонов. После 1968 г. вместо реальных реформ проводились затяжные эксперименты с расширением хозрасчета на предприятиях (бригадный метод строителя Николая Злобина; на комбинате «Азот» в Щекино близ Тулы) и введением показателя условно чистой продукции.

Этот показатель, по замыслу его создателей, должен был исправить недостатки централизованного планирования и в первую очередь блокировать стремление производителей выпускать продукцию по высоким ценам.

В начале 70-х был нанесен удар по всем концепциям поворота к рыночной экономике. Само слово «рынок» стало критерием идеологической неблагонадежности. Со второй половины 70-х гг. начала меняться организация промышленного производства. Появились производственные и научно-производственные объединения (НПО). Практическим результатом подобных мер стал лишь гигантизм. Желаемого же слияния науки и производства не произошло. Зато в эти годы быстро и успешно шло слияние, переплетение официальной экономики с теневой — разного рода полузаконной и незаконной производственной и торговой деятельностью, в которую были втянуты целые предприятия. Доходы теневой экономики исчислялись многими миллиардами. К началу 80-х гг. стала очевидна неэффективность попыток ограниченного реформирования советской системы. Страна вступила в период глубокого кризиса.

§ 3. Крушение Советской власти

От перестройки к революции. К середине 80-х гг. возможность постепенного, безболезненного перехода к новой системе общественных отношений в России была безнадежно упущена. Стихийное перерождение системы изменило весь жизненный уклад советского общества: перераспределялись права руководителей и предприятий, усилилась ведомственность, социальное неравенство. Изменился характер производственных отношений внутри предприятий, начала падать трудовая дисциплина, массовыми стали апатия и безразличие, воровство, неуважение к честному труду, зависть к тем, кто больше зарабатывает. В то же время в стране сохранялось внеэкономическое принуждение к труду. Советский человек, отчужденный от распределения произведенного продукта, превратился в исполнителя, работающего не по совести, а по принуждению. Выработанная в послереволюционные годы идейная мотивация труда слабела вместе с верой в близкое торжество коммунистических идеалов, параллельно этому сокращался поток нефтедолларов и рос внешний и внутренний долг государства.

В начале 80-х гг. все без исключения слои советского общества страдали от несвободы, испытывали психологический дискомфорт. Интеллигенция хотела подлинной демократии и индивидуальной свободы.

Большинство рабочих и служащих необходимость перемен связывали с лучшей организацией и оплатой труда, более справедливым распределением общественного

богатства. Часть крестьянства рассчитывала стать подлинными хозяевами своей земли и своего труда.

Однако в конечном счете совсем другие силы определили направление и характер реформирования советской системы. Этими силами была советская номенклатура, тяготившаяся коммунистическими условностями и зависимостью личного благополучия от служебного положения.

Таким образом, к началу 80-х гг. советская тоталитарная система фактически лишается поддержки в обществе и перестает быть легитимной. Ее крах становится вопросом времени.

Смерть в ноябре 1982 г. Л.И. Брежнева и приход к власти более здравомыслящего политика Ю.В. Андропова пробудили в обществе надежды на возможное изменение жизни к лучшему. Однако этим надеждам не суждено было сбыться.

Попытки Ю.В. Андропова придать эффективность бюрократической системе без структурных изменений, усиление требовательности и контроля, борьба с отдельными пороками не вывели страну из кризисного состояния.

Избрание в марте 1985 г. М.С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС вновь возродило надежду на возможности реальных перемен в жизни общества. Энергичные выступления нового Генерального секретаря показали его решимость приступить к обновлению страны.

В условиях монопольного господства в обществе одной партии — КПСС, наличия мощного репрессивного аппарата перемены не могли начаться «снизу», народ ждал изменений «сверху» и готов был их поддержать.

Горбачев был убежден, что после реформы, проведенной «сверху», страна обретет второе дыхание. Ядром экономических преобразований стала концепция ускорения социально-экономического развития страны на основе использования новейших достижений научно-технического прогресса. Провозглашая курс на ускорение, М.С. Горбачев надеялся с минимальными затратами за счет «скрытых резервов» в короткий срок добиться подъема экономики. Однако все попытки в рамках старой системы провести преобразование экономики были обречены на провал. Первые три года перестройки, в течение которых были испробованы практически все известные методы ускорения развития общества, показали, что тоталитарная система не поддается реформированию. Неудачи первого этапа перестройки заставили искать новые пути. На фоне ухудшающейся с каждым днем экономической ситуации впервые был поставлен вопрос о политической реформе общества. Была провозглашена политика гласности — открытое обсуждение острых проблем экономики и политики на страницах средств массовой информации. После десятилетий запретов и искажений информации «для народа» на страницы печати были буквально выплеснуты все негативные факты и тенденции, накопившиеся за весь период развития социалистического общества. Эта лавина информации привела в шок значительную часть населения страны. Результатом политики гласности было пробуждение общественного сознания значительной части населения страны. Интерес людей к политике был настолько велик, что стал неотъемлемой частью жизни в тот период времени. За выступлениями делегатов XIX партконференции КПСС, проходившей летом 1988 г. и транслировавшейся по радио и телевидению, следила буквально вся страна. В повестку дня этой конференции был поставлен вопрос об изменении политической структуры общества. Политической целью перестройки была провозглашена передача власти от КПСС Советам. Однако преобладание на конференции консервативно настроенных сил («агрессивно-послушного большинства») и стремление сохранить контроль аппарата КПСС над развитием событий не позволили принять исторических решений, которые изменили бы судьбу страны. Вместо этого была предложена, а затем внесена в Конституцию новая громоздкая, недемократическая структура дублирующих друг друга высших органов государственной власти — Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР.

Выборы народных депутатов в марте 1989 г. проводились по новому избирательному закону, чем вызвали к жизни беспрецедентную активность избирателей. Благодаря этому в депутатском корпусе были представлены практически все группы и слои населения. Первый съезд стал действительно историческим событием, свидетельствующим о нарождающейся демократии. В адрес руководства страны впервые публично прозвучала острая и резкая критика, что само по себе было беспрецедентным явлением. На съезде был сформирован первый в истории страны профессионально работающий парламент — Верховный Совет СССР, председателем Президиума которого был избран М.С. Горбачев.

Наращение социальной напряженности. После лета 1989 г. реформаторское руководство страны столкнулось с кризисом доверия. Непосредственной причиной падения авторитета власти стали пустые прилавки магазинов, рост преступности, политическая нестабильность. На многочисленных митингах выражалось открытое недовольство ходом перестройки, подвергались критике действия как самого М.С. Горбачева, так и правительства СССР, возглавляемого Н.И. Рыжковым. В стране происходила поляризация политических сил. Выделилась группа сторонников реформ, проводимых Горбачевым, и группа консервативно настроенных лидеров партноменклатуры, не хотевших никаких перемен в обществе. На повестку дня вновь был поставлен вопрос о власти. Созванный в марте 1990 г. внеочередной съезд народных депутатов СССР отменил шестую статью Конституции, законодательно закреплявшую монополию КПСС на власть в стране. Этот же съезд утвердил пост Президента СССР. М.С. Горбачев был выбран на съезде первым Президентом СССР.

1990 год ознаменовался также односторонним решением некоторых союзных республик (в первую очередь прибалтийских) о самоопределении и создании независимых национальных государств.

Попытки союзного центра экономическими мерами воздействовать на эти решения в конечном счете не имели успеха. По стране прокатилась волна провозглашения суверенитетов союзных республик, избрания в них своих президентов, введения новых названий. Республики стремились избавиться от диктата центра, объявив о своей независимости.

Реальная опасность неуправляемого распада СССР, грозящая непредсказуемыми последствиями, заставляла центр и республики искать путь к компромиссам и соглашениям. Идея заключения нового союзного договора была выдвинута народными фронтами Прибалтики еще в 1988 г. Но до середины 1989 г. она не находила поддержки ни у политического руководства страны, ни у народных депутатов, еще не освободившихся от пережитков имперских настроений. В то время многим казалось, что договор — не главное. Окончательно центр «дозрел» до осознания важности Союзного договора лишь после того, как «парад суверенитетов» до неузнаваемости изменил Союз, когда центробежные тенденции набрали силу.

Россия не могла оставаться в стороне от этого процесса.

Вопрос о российском суверенитете стал главным на первом съезде народных депутатов республики. 12 июня 1990 г., выражая волю своих избирателей, делегаты съезда с редким для этого съезда единодушием, большинством голосов приняли Декларацию о государственном суверенитете Российской Федерации. Ее принятие стало рубежом как в развитии Российской Федерации, так и всего Советского Союза, который мог существовать только до тех пор, пока Россия служила объединяющим началом.

Выбор российских депутатов во многом был определен поведением других союзных республик, уже провозгласивших свою независимость. В то же время многие из них были убеждены, что пример независимой демократической России будет способствовать победе демократических сил в других республиках.

Согласно Декларации, государственный суверенитет распространялся на всю территорию республики. Органы власти РСФСР имели право решать все вопросы

государственной и общественной жизни, за исключением тех, которые она добровольно передавала в ведение Союза ССР. Декларация подтвердила необходимость существенного расширения прав автономных республик, краев и областей.

Формально Декларация лишь законодательно разграничивала полномочия центра и республики и в этом смысле не выходила за пределы союзной Конституции. Тем не менее провозглашение государственной независимости Российской Федерацией означало на деле двоевластие в стране. Проголосовав за независимость, народные депутаты подтолкнули и без того сильные сепаратистские настроения на Украине и в Прибалтике.

Объявление суверенитета России было продиктовано и экономическими причинами. Неспособность центра вывести страну из кризиса, затягивание им проведения радикальных экономических реформ подтолкнули Россию к этому шагу. Россия решила первой начать движение к рыночным отношениям, не дожидаясь, когда такое решение будет принято Верховным Советом СССР. Отвергнутая центральным руководством, программа перехода к рынку («500 дней»), предложенная С. Шаталиным и Г. Явлинским, была взята российским руководством на вооружение.

Стремление Российской Федерации начать с 1 октября 1990 г. переход к рынку резко обострил противостояние центра и республик, «война законов» переросла в новую стадию. Защищая свой суверенитет, РСФСР приняла ряд постановлений, ограничивающих действие союзных законов и союзной власти на территории республики.

1991 год оказался переломным в истории страны. За шесть лет перестройки ни одна из ее задач до конца не была решена. К лету ситуация, сложившаяся во всех областях жизни, характеризовалась как кризисная. Колебания и противоречия Президента СССР М.С. Горбачева, его «центризм», стремление встать над «схваткой» больше не устраивали ни левых, ни правых, справедливо видевших в такой флюгерности слабость государственной власти, предательство национальных интересов. Каждая новая неделя противостояния «центра» и республик, «демократов» и «партократов» усиливала в обществе стихийные антиноменклатурные настроения. Большинство населения на мартовском референдуме 1991 г., сказав «да» сохранению единого отечества, высказалось против сохранения старой государственной власти. Авторитет КПСС стремительно падал даже среди крупных хозяйственников. Весной 1990 г., как свидетельствуют социологические опросы, 23% из них еще полностью доверяли КПСС, к лету доля недоверявших поднялась до 72%.

Победа 12 июня 1991 г. в первом же туре президентских выборов в РСФСР Б.Н. Ельцина также свидетельствовала о расшатывании основ номенклатурного строя. Дело принимало оборот, смертельно опасный для тоталитарной системы и корпоративных интересов партноменклатуры. Экономическая политика правительства В. Павлова была последней отчаянной попыткой консервативных сил спасти империю и самих себя легальным конституционным путем. Наименее гибкая и недалководидная часть правящего класса, сосредоточенная главным образом в аппарате ЦК КПСС, других высших звеньях законодательной и исполнительной власти, силовых министерствах, не понявшая вовремя, что происходит, и не успевшая занять выгодные позиции, видела единственный выход в том, чтобы ввести в стране чрезвычайное положение для наведения «порядка».

С другой стороны, и демократические силы не могли пассивно ожидать развития событий. Перестройка, основывавшаяся на идеях демократического социализма, революция «сверху», потерпела крах. Страна разваливалась. Народ требовал глубоких реформ. В сложившихся условиях силовое столкновение становилось неизбежным. Консерваторы попытались опередить демократов и «спасти» отечество. Уже к осени 1990 г. руководство госбезопасности приступило к детальной проработке плана введения чрезвычайного положения в стране. Органы КГБ установили слежку за народными депутатами, политическими партиями, независимыми профсоюзами, вели планомерную работу по дезинформации высших руководителей Союза с целью принятия жестких мер для наведения «порядка». М.С. Горбачев оказался заложником формально подчиненных

ему структур партии, госбезопасности и армии. В течение зимы и весны 1991 г. делалось несколько «примерок» силовой политики. В середине января прокоммунистический Комитет общественного спасения (прообраз ГКЧП) в Литве пытался отстранить от власти силой оружия правительство Народного фронта. В результате этой акции погибло 13 ни в чем не повинных людей. К этим событиям оказались непосредственно причастны министр обороны СССР Д. Язов, председатель КГБ В. Крючков, министр МВД Б. Пуго. Спустя неделю аналогичная попытка государственного переворота была предпринята в Латвии. В конце марта в день открытия внеочередного Съезда народных депутатов РСФСР в Москву были введены войска, взявшие в кольцо центр столицы. Только после решительного протеста депутатов, приостановивших из-за этого работу съезда, войска были выведены из города.

В феврале 1991 г. Президент М. Горбачев был по существу поставлен перед выбором: или поддержать силы, ориентирующиеся на силовые методы сохранения старых структур власти, или окончательно стать на сторону демократов. Президент выбрал путь политического наблюдателя и тем самым предрешил свою судьбу.

В апреле 1991 г. на Пленуме ЦК КПСС 45 первых секретарей обкомов из 75 потребовали освобождения Горбачева от должности Генерального секретаря ЦК КПСС. М.С. Горбачев смог сохранить свой пост лишь благодаря достигнутой 23 апреля в Ново-Огареве договоренности с лидерами девяти республик о подписании в ближайшем будущем нового Союзного договора суверенных государств, который стал известен как соглашение «9+1» (девять лидеров союзных республик + Президент СССР). В нем шла речь о новой концепции Союза. Согласно этому документу, республику получали значительно больше прав, центр из управляющего превращался в координирующий. В результате многие союзные структуры, прежде всего министерства и ведомства, кабинет министров, претерпели бы серьезные изменения. В руках союзного руководства оставались лишь вопросы обороны, финансовой политики, внутренних дел, все остальные вопросы должны были решаться на республиканском уровне.

Провал августовского путча. Намеченное на 20 августа 1991 г. подписание нового Союзного договора подтолкнуло консерваторов на решительные действия, так как соглашение лишало верхушку КПСС реальной власти, постов и привилегий. Согласно секретной договоренности М. Горбачева с Б. Ельциным и Президентом Казахстана Н. Назарбаевым, о которой стало известно председателю КГБ В. Крючкову, после подписания договора предполагалось заменить премьер-министра СССР В. Павлова Н. Назарбаевым. Такая же судьба ожидала министра обороны, самого Крючкова, и ряд других высокопоставленных лиц.

Другим непосредственным поводом развития событий стал указ российского Президента от 20 июля 1991 г. о департизации в РСФСР госучреждений, нанеший по монополии КПСС сильный удар. На местах началось вытеснение партноменклатуры из областных структур и замена ее новыми людьми.

С 5 по 17 августа шла активная подготовка к введению в стране чрезвычайного положения. Идеологом введения ЧП являлся А.И. Тизяков, президент Ассоциации госпредприятий. Председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов должен был по плану заговорщиков обеспечить принятие Верховным Советом положения о введении ЧП в стране на законной основе.

Наконец, в ночь на 19 августа 1991 г. Президент СССР М.С. Горбачев, находившийся в это время на отдыхе в Форосе, в Крыму, был насильственно отстранен от власти. Группа высокопоставленных чиновников, в которую входили вице-президент Г. Янаев, председатель КГБ В. Крючков, министр обороны Д. Язов, премьер-министр В. Павлов образовали самозванный, неконституционный Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП).

Постановлениями ГКЧП в ряде регионов страны, главным образом в РСФСР, вводился режим чрезвычайного положения, запрещались митинги, манифестации,

забастовки. Приостанавливалась деятельность демократических партий и организаций, газет, устанавливался контроль над средствами массовой информации. Введением чрезвычайного положения «гэкачеписты» рассчитывали вернуть страну назад: ликвидировать гласность, многопартийность, коммерческие структуры. В обращении «К советскому народу» ГКЧП объявлял себя истинным защитником демократии и реформ, щедро обещал в кратчайший срок облагодетельствовать все слои советского общества — от пенсионеров до предпринимателей. В течение 1991—1992 гг. всем желающим горожанам обещалось предоставить земельные участки.

Главные события этих дней развернулись в Москве. 19 августа в столицу были введены танки и бронетранспортеры, которые перекрыли основные магистрали города. Был объявлен комендантский час. Однако эти действия вызвали обратную реакцию. Путчисты просчитались в главном — за годы перестройки советское общество сильно изменилось. Свобода стала для людей высшей ценностью, окончательно исчез страх. Большая часть населения страны отказалась поддержать неконституционные методы выхода из кризиса. К вечеру 19 августа десятки тысяч москвичей устремились к Дому Советов РСФСР («Белому дому»), где находились члены Верховного Совета РСФСР во главе с Президентом Б. Ельциным, чтобы защитить и поддержать российское руководство, отказавшееся признать самозванный ГКЧП.

Только три дня ГКЧП смог продержаться у власти, с первых дней натолкнувшись на активное сопротивление россиян. В срыве заговора огромную роль сыграла мужественная позиция руководства Российской Федерации, предпринявшего решительные шаги по защите Конституции и пресечению деятельности самозванного комитета на территории РСФСР. В своем обращении к гражданам России 19 августа 1991 г. Президент Б. Ельцин, Председатель Совмина РСФСР И. Силаев, Председатель Верховного Совета республики Р. Хасбулатов призвали население республики поддержать законно избранные органы власти и использовать в борьбе с заговорщиками различные формы гражданского протеста. Указом Президента РСФСР деятельность ГКЧП признавалась незаконной, а его приказы на территории республики — не подлежащие выполнению. Все органы исполнительной власти Союза ССР, действовавшие на территории России, перешли в непосредственное подчинение российского Президента. Еще в дни путча президентским указом деятельность КПСС и РКП на территории России прекращалась. С 23 августа 1991 г. КПСС перестала существовать как правящая государственная структура. В итоге была ликвидирована сама основа старой системы. Путч, таким образом, закончился не просто провалом, а по существу крушением тоталитаризма.

События 19—21 августа 1991 г. изменили страну. Ушла в прошлое перестройка как «революция сверху» в рамках старой системы с ее ориентацией на раз и навсегда сделанный социалистический выбор.

Результатом августовских событий 1991 г. явился распад СССР. Все попытки М.С. Горбачева возобновить работу по подписанию нового Союзного договора оказались безуспешными. Украина и Белоруссия проголосовали за независимость своих республик и отказались от подписания Союзного договора. В этой ситуации объединение с другими республиками теряло смысл. 8 декабря 1991 г. под Минском президентами Украины, Белоруссии и России было подписано Беловежское соглашение об образовании Содружества Независимых Государств. Позже к ним присоединились Казахстан и другие республики (кроме Прибалтики и Грузии). Подписанием этого договора заканчивалось существование Советского Союза как единого государства. Президент СССР Горбачев был вынужден сложить свои полномочия.

§ 4. Первые шаги новой российской государственности

Россия на пороге радикальной экономической реформы. В декабре 1991 г. Российская Федерация вместе с другими республиками бывшего Союза вступила на путь самостоятельного существования.

Падение союзного центра требовало от российского руководства срочно определить цели внешней и внутренней политики России, отношение к наследию Союза, решить принципиальные вопросы социально-экономического и политического выбора, а также государственного устройства. После августовских событий по существу рухнула и советская система. Таким образом, во времени совпали две сложнейшие задачи: становление новой российской государственности, социального и духовного возрождения России.

Россия сократилась в своих геополитических параметрах, она оказалась в принципиально новом окружении с запада и юга и потеряла ряд важных морских портов, военных баз, курортов. Появился анклав — Калининградская область, отделенная от России Белоруссией и Литвой. Россия как бы удалилась от Европы, стала еще более северной и континентальной страной.

В новых условиях перед Российской Федерацией открывались различные варианты развития. Однако при всем их многообразии основное направление было очевидно. Оно определялось общемировым движением к постиндустриальному обществу, что на практике означало коренное технологическое переоснащение экономики с одновременной перестройкой ее структур, переориентацию хозяйства на наукоемкие отрасли, демилитаризацию жизни страны.

Осенью 1991 г. для политического руководства России вопрос сводился к тому, чтобы, в полной мере учитывая культурно-историческое своеобразие России, в кратчайшие сроки и с минимальными потерями перейти к рыночному хозяйству. В мировой практике существовало два разных пути движения от командно-административной к рыночной экономике — медленно, шаг за шагом, либо через «шоковую терапию». Первый из них — постепенный — исходил из того, что созданные тоталитарной системой институты могут сосуществовать с новыми рыночными структурами, постепенно вращаясь в них. Второй — радикальный — предполагал максимально быстрое включение рыночных регуляторов (свободных цен, либерализацию условий деятельности предприятий на внутреннем и мировом рынке), решительную ломку многих государственных структур. Но и в первом и во втором вариантах для успеха реформ требовалась твердая политическая воля, широкая общественная поддержка.

Между тем у государственной власти и поддерживающих ее демократических сил не оказалось проработанной программы конкретных экономических и политических преобразований.

Бездействие российского правительства в первое время после августовских событий негативно отразилось на тяжелой социально-экономической ситуации. Неясность экономических перспектив, дискуссии о денежной реформе и повышении цен толкнули население России на скупку товаров, создание запасов предметов первой необходимости. Из магазинов исчезли практически все товары и продукты. Введение принципа распределения товаров среди населения по талонам, организация распродаж на предприятиях не смогли улучшить ситуацию. Все это способствовало усилению противостояния политических сил. Начали постепенно возвращаться к активной политической жизни коммунисты, создавшие несколько партий, в итоге политическая опора правительства резко сузилась.

Осенью 1991 г. существовал реальный шанс реорганизации старой государственной машины на демократической основе, т.е. посредством перевыборов Советов всех ступеней, однако Б. Ельцин решил сохранить статус-кво в организации государственной власти, чтобы сосредоточить все внимание на проведении реформ.

Между новым российским руководством и старой партийно-хозяйственной элитой возникло не скрепленное никакими формальными договорами, но вполне определенное согласие, суть которого состояла в отказе от демонтажа советской системы и реформировании ее лишь в ограниченных пределах. Союз двух политических элит, новой и старой, стал основой послеавгустовской российской государственности. При этом система Советов сохранялась, выборы в новые структуры были отложены.

Как показало дальнейшее развитие событий, такое решение было ошибочным. Старая номенклатура продолжала действовать в Советах и хозяйственных структурах и начиная с весны 1992 г. стала оказывать серьезное противодействие проводимым экономическим реформам. Положение осложнялось также нарастающей угрозой распада самой России, созданной в свое время на тех же принципах, что и Союз.

Сохранение целостности Российского государства. Распад Союза подтолкнул «парад суверенитетов» бывших автономных республик и даже автономных областей в России. Осенью 1991 г. все автономные республики России провозгласили себя суверенными государствами. Большинство бывших автономных областей заявило о своем преобразовании в республики. Края и области также начали открытую борьбу за равноправие субъектов Федерации. Судьба российской государственности в 1991—1993 гг. во многом определялась противостоянием республиканских региональных властей с федеральной властью. Угроза распада России нарастала в течение всего 1992 г.

К лету десятки субъектов Федерации — Татарстан, Башкортостан, Якутия (Саха), Удмуртия, Новосибирская и Тюменская области — задерживали или вообще прекратили отчисление налогов в федеральный бюджет. Более того, они начали сами устанавливать цены на товары, производимые на их территории.

Отдельные субъекты Федерации предлагали преобразовать ее в конфедерацию. Проект Основного закона Башкортостана прямо провозглашал верховенство республиканской Конституции над федеральными законами.

Причины, приведшие к распаду СССР, также сказались на нарастании центробежных, сепаратистских тенденций внутри России. В их основе лежало желание самостоятельно распоряжаться плодами своего труда. Не случайно в Татарии болезненно воспринималась почти безвозмездная перекачка нефти за пределы республики, а в Якутии — алмазов. Край, дающий более 80% алмазных поступлений России, занимающий первое место в стране по добыче золота, основной поставщик олова и единственный сурьмы, не был способен прокормить себя.

В условиях обострения экономического кризиса, разрыва хозяйственных связей, обнищания большинства населения республиканско-хозяйственная элита, умело апеллируя к реальным фактам национальной дискриминации, упрочила свое влияние на массы.

Правительство Российской Федерации проводило осторожную и часто непоследовательную национально-государственную политику. Незаконные вооруженные формирования Д. Дудаева, разогнавшие в сентябре 1991 г. Верховный Совет Чечено-Ингушской автономии и демонстративно объявившие об отделении Чечни от России, не были разоружены, что в итоге обернулось впоследствии тяжелым кризисом в этом регионе, а в 1995 г. привело к войне.

В течение 1992 г. продолжалось субсидирование республик, взявших курс на отделение от России, из федерального бюджета, несмотря на отказ этих республик отчислять налоги в госбюджет.

Правительство заняло выжидательную позицию, и лишь в конце октября 1992 г. после начала столкновения между осетинами и ингушами Президент России впервые не исключил возможность использования силовых методов для защиты территориальной целостности страны и государственных интересов.

Первым серьезным шагом на пути сохранения единства России стал Федеративный договор, включивший в себя три близких по содержанию договора о разграничении

полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Федерации всех трех типов (суверенных республик в составе РФ, краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, автономных областей и автономных округов).

Работа над этим договором началась еще в 1990 г. и шла очень медленно. Было рассмотрено около 30 различных вариантов проекта договора. В ходе их обсуждения стало очевидно, что идея национальной государственности за годы Советской власти пустила глубокие корни и вернуться к территориальным образованиям невозможно. Поэтому были отвергнуты и возврат к дореволюционному губернскому устройству на территориальной основе, и федерация национальных государств с преимущественными правами на территории титульных наций и минимальными полномочиями центра.

В основу компромиссного Федеративного договора был заложен принцип учета интересов всех народов России.

31 марта 1992 г. в Кремле Федеративный договор был подписан большинством субъектов Федерации. Республики, согласно договору, получили больше прав, чем другие субъекты Федерации. Федеративный договор несколько снизил внутривластическое напряжение в России, но не снял его полностью.

На пути к рыночной экономике. 1992 г. стал для России годом экономических реформ, переходом к рынку, к легитимной частной собственности. Решающее слово в выборе стратегии экономической политики оказалось за Президентом Российской Федерации Б. Ельциным. В конце 1991 г. для выхода страны из кризиса им был выбран путь шоковой терапии. На первый план выдвигалась задача достижения макроэкономической стабилизации, т.е. равновесия между платежеспособным спросом (предприятий и населения) и товарным предложением. Для этого намечалось единовременное размораживание всех цен и освобождение доходов, проведение жесткой бюджетной и денежно-кредитной политики, приватизация государственной собственности.

Главным архитектором шоковой терапии стал 35-летний экономист, внук знаменитого советского писателя Егор Гайдар. Он был назначен вице-премьером нового правительства, которое возглавил сам Президент.

Авторитет Б. Ельцина в это время был так высок, что Верховный Совет республики предоставил ему дополнительные полномочия на время проведения болезненных реформ.

Сформированное в ноябре 1991 г. правительство России впервые за всю историю России состояло главным образом из молодых экономистов, приверженцев рыночной экономики. Это была команда единомышленников, руководимая Е. Гайдаром. А. Шохин, А. Чубайс, П. Авен, А. Нечаев вместе с Гайдаром взяли на себя ответственность за проведение радикальных преобразований в экономике, за осуществление «прыжка» в рынок.

Правительство Е. Гайдара приступило к либеральным реформам после шести лет бесплодных разговоров о рынке. К этому времени сложилась крайне тяжелая ситуация. Только за 1991 г. розничные цены выросли в 8—11 раз, валовой национальный продукт сократился на 15—20%.

В российской экономике накопилось множество структурных перекосов: доминировали добывающие отрасли и ВПК, процветала гигантомания, потребительский рынок не был насыщен, в то же время многие устаревшие производства выпускали никому не нужную продукцию. Ситуация усугубилась распадом союзного государства и дезинтеграцией единого народнохозяйственного комплекса. Россия как правопреемница СССР имела громадный внешний долг в размере около 70 млрд. долларов, лишь для выплаты по нему процентов требовались гигантские суммы. Нерешенным оставался вопрос о разделе союзной собственности. К моменту начала проведения реформ в Российской Федерации не было закончено формирование многих государственных структур, поэтому изначально шансы на успех «шокотерапии» были невелики.

Надежды на положительный результат реформ связывали главным образом с благоприятной политической ситуацией: доверием населения к российским властям и готовностью россиян к проведению реформ.

Согласно опросам общественного мнения, осенью 1991 г. около 47% опрошенных были готовы ради будущего процветания России и изобилия потребительских товаров терпеть на начальном этапе реформы и безработицу, и рост цен, и «временное» снижение уровня жизни. Лишь 17,8% были настроены решительно против реформ.

После поражения августовского путча хозяйственные руководители из ВПК и аграрного сектора, ориентированные на сохранение старой советской системы, были деморализованы и не могли оказать серьезного противодействия реформам. Наконец, важным аргументом в пользу шоковой терапии являлась возможность получения крупных кредитов от Международного валютного фонда (МВФ). Их предоставление связывалось с реализацией классической стандартной стабилизационной программы. Классической она называлась потому, что была положена в основу экономических реформ во многих странах мира, успешно осуществивших переход от тоталитарных систем к рыночному хозяйству. В соответствии с ней в переходный период отпускались цены, вводилась свободная торговля, осуществлялась приватизация, т.е. большая часть государственной собственности продавалась частным лицам.

В начале января 1992 г. правительство освободило цены на большинство товаров от государственного контроля. Это было трудное, но необходимое решение в условиях пустой государственной казны, при отсутствии товарных запасов, серьезной угрозе холода и голода. Был введен новый порядок внешнеэкономической деятельности. На первое место была поставлена задача бездефицитного бюджета. Правительство резко сократило затраты на содержание армии и производство оружия. Социальные расходы бюджета были также сведены до минимума.

Реформы, связанные с именем Гайдара, продолжались около 15 месяцев. Их ход с самого начала стал отклоняться от намеченного. Прогнозируемое реформаторами повышение цен в 5—10 раз на деле обернулось повышением их в 100 и более раз, в результате чего большинство населения республики оказалось за чертой бедности.

Уже через два месяца после начала реформ правительство было вынуждено поднять заработную плату. За начавшимся повышением зарплаток весной 1992 г. вновь последовал неудержимый рост цен. Надежды на достижение рыночного равновесия, сдерживание инфляции были похоронены.

Вторая серьезная проблема, с которой столкнулись реформаторы, — взаимные неплатежи предприятий, достигшие к осени 1992 г. 3,5 триллионов рублей. Они были порождены самой природой материальной ответственности, технической отсталостью банковской системы. Предприятия-должники сумели в очередной раз переложить свои проблемы на плечи государства. Центральный банк России провел частичные взаиморасчеты между предприятиями, было резко расширено кредитование народного хозяйства. Такие меры привели в конечном итоге к увеличению массы наличных денег и новому витку инфляции. В целом за 1992 г. выпуск наличных денег увеличился в 54 раза по сравнению с 1990 г. и в 17 раз по сравнению с 1991 г.

Основной проблемой правительства стала борьба с инфляцией. Необходимо было прорвать образовавшийся замкнутый круг — рост цен — повышение зарплаты — рост цен. Однако надежды на быструю остановку инфляции не оправдались, необходимо было адаптироваться к функционированию в условиях длительной высокой инфляции.

Противостояние двух властей. На протяжении 1992—1993 гг. повсеместно с начала проведения радикальных рыночных реформ шла борьба между законодательной и исполнительной ветвями власти. Разочарование ходом радикальных реформ значительной части общества, экономические трудности лишили реформаторские силы поддержки многими слоями населения и усилили блок старой номенклатуры. В условиях, когда власть продолжала оставаться главным источником собственности, стратегия оппозиции

реформаторам изменилась. Ее перестала устраивать возможность влиять на исполнительную власть за счет численного преобладания в парламенте (Верховном Совете). Целью оппозиции стал полный захват власти, ослабление президентских структур, жесткий парламентский контроль над правительством. Именно эту цель отражал лозунг «Вся власть Советам» многочисленных митингов «Трудовой Москвы», Фронта национального спасения и других прокоммунистических организаций. В свою очередь, к весне 1992 г. сторонники жесткой линии в окружении Президента взяли курс на роспуск парламента и прежде всего ликвидацию Съезда народных депутатов.

В феврале 1992 г. Президент Российской Федерации предложил законодательной власти сделать выбор: или заключить с исполнительной властью соглашение о продолжении курса радикальных реформ, или предоставить возможность избирателям на референдуме выбрать, кому вручить власть: Президенту или парламенту.

В течение 1992 г. борьба вокруг основ конституционного строя России шла с переменным успехом. Верховный Совет во главе с Р. Хасбулатовым все более активно вмешивался в дела исполнительной власти. Исполнительная власть и в центре, и на местах была представлена органами Советской власти. Лидеры парламента пытались решать все практические вопросы государственной политики, не желая ограничивать себя рамками законодательного творчества. В стране фактически возникло новое двоевластие.

Референдум о доверии Президенту. В марте 1993 г. борьба двух ветвей власти достигла опасных пределов. После того как внеочередной VIII съезд народных депутатов России снова отклонил инициативу Президента о проведении всенародного референдума, Б. Ельцин в телеобращении к гражданам России объявил об особом порядке управления страной «вплоть до преодоления кризиса власти» и назначил на 25 апреля 1993 г. референдум о доверии Президенту и его проекту Конституции. В стране практически вводилось президентское правление. В ответ на эти действия Президента внеочередной IX съезд народных депутатов пытался отстранить Б. Ельцина от его должности, однако, не набрав большинства голосов, вынужден был согласиться на проведение референдума, но со своей формулировкой вопросов. Три из четырех предлагаемых вопросов были направлены непосредственно против Президента.

В референдуме 25 апреля 1993 г. приняло участие около 64% избирателей. Из них за доверие Президенту высказалось 58,7%, социально-экономическую политику одобрило 53%. Предложение о досрочных перевыборах и Президента, и парламента не прошло.

Референдум, безусловно, упрочил позиции Президента, однако его победа не была абсолютной. Конституционный кризис преодолен не был. Непримируемая оппозиция, расценив по-своему итоги референдума — как поражение Ельцина и его сторонников, — продолжала конфронтацию с исполнительной властью, боролась за отстранение от должности Президента и правительства.

Борьба за новую Конституцию. Камнем преткновения разработки новой Конституции стал вопрос о форме правления: либо президентская республика, сильный Президент, формирующий правительство и имеющий в определенных обстоятельствах право роспуска парламента, либо парламентская республика, в которой большими прерогативами пользовалась законодательная власть. Другой серьезной проблемой был вопрос о федеративном устройстве России.

Чтобы выйти из тупика, весной 1993 г. после референдума от имени Президента был предложен альтернативный проект Конституции. В нем было много общего с проектом Конституционной комиссии, но были и существенные различия. Оппозиция расценила его как «монархический», «авторитарный». В поисках согласия с народными депутатами Президент летом 1993 г. создал Конституционное совещание. В ходе его работы в президентский проект было внесено множество положений, разработанных Конституционной комиссией, достигнуты определенные компромиссы, но они не устраивали законодательную власть. Председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов,

возглавлявший парламентскую оппозицию, вице-президент А.В. Руцкой и др. блокировали все инициативы Президента.

Непримиримая оппозиция для реализации своих целей широко использовала многочисленные митинги и марши протеста. Первая «проба сил» состоялась 1 мая 1993 г., когда демонстранты в Москве на Ленинском проспекте дали настоящий бой силам милиции. Острая борьба законодательной и исполнительной власти продолжалась все лето 1993 г. Конституционный кризис принимал для страны все более опасный, разрушительный характер. Налицо были его негативные последствия для российского общества: инфляция, сепаратизм, падение авторитета власти и государства, попытки ограничения основных прав и свобод граждан. Противостояние законодательной и исполнительной власти усиливалось с каждым месяцем и закончилось кровавой развязкой в октябре 1993 г.

Октябрьские события 1993 г. К осени 1993 г. Россия оказалась в состоянии глубокого политического кризиса. Его дальнейшему разрастанию способствовало много объективных и субъективных факторов. Прежде всего, отсутствие у России реального опыта, устойчивых традиций демократии и парламентаризма.

Во-вторых, отсутствие полноценной правовой базы, определявшей предел компетенции законодательной и исполнительной власти, механизм их взаимодействия.

Начиная с весны 1992 г. депутатский корпус был нацелен на постепенное ограничение власти и полномочий Президента, на радикальное изменение курса реформ. Для этого использовалась существующая устаревшая Конституция и «машина» голосования, поскольку к этому времени оппозиция уже располагала устойчивым большинством на съезде и в Верховном Совете Российской Федерации.

Проведение реформ в России оказалось под угрозой. Чтобы обеспечить продолжение курса на радикальные экономические преобразования, Б. Ельцин предпринял решительный шаг: указом № 1400 от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в России» объявил о роспуске съезда и Верховного Совета и проведении 12 декабря 1993 г. референдума по новой Конституции и выборов в двухпалатное Федеральное собрание (Государственную думу и Совет Федерации). К этому же сроку предполагалось завершить работу по подготовке новой Конституции.

Указ Президента формально противоречил ряду статей действующей Конституции. Срочно собравшийся в этот же день Конституционный суд во главе с его Председателем В.Д. Зорькиным посчитал это достаточным основанием для импичмента Президента.

Президентская сторона рассчитывала, что при проведении избирательной кампании в стране лидеры оппозиции не смогут остаться в стороне и тем самым тяжелейший политический кризис разрешится демократическим путем. Однако оппозиция отвергла этот вариант развития событий и перешла к решительной атаке на Президента. В ночь на 23 сентября 1993 г. чрезвычайный X съезд народных депутатов, на котором даже не было кворума, принял постановление, объявившее действия Б.Н. Ельцина «государственным переворотом». Съезд отстранил от должности Президента Ельцина и избрал А.В. Руцкого исполняющим обязанности Президента.

Получив полномочия, А. Руцкой быстро создает для охраны «Белого дома» вооруженные формирования, сюда же свозятся оружие и боеприпасы. Чтобы избежать возможных беспорядков, правительство установило оцепление вокруг «Белого дома» из нарядов милиции и ОМОНа и потребовало сдачу имеющегося в «Белом доме» оружия. 1—2 октября еще существовала возможность мирного развития событий. Председатель Конституционного суда В.Д. Зорькин выступил с предложением так называемого «нулевого варианта», сущность которого заключалась в отмене всех решений Президента и Верховного Совета после 21 сентября и назначении одновременных перевыборов Президента и парламента. Однако оппозиция организовала 3 октября в центре Москвы на Смоленской площади массовые беспорядки. К 10 часам вечера вооруженные боевики,

прибывшие в телецентр «Останкино» по призыву Руцкого, предприняли попытку штурма здания телецентра.

Складывалась напряженная ситуация. Взяв на себя всю полноту ответственности, Б. Ельцин отдал приказ о вводе в Москву танковой дивизии и блокаде «Белого дома». В результате предпринятого штурма «Белого дома» с обеих сторон были жертвы, в том числе среди жителей города. Руководители парламента были арестованы.

События октября 1993 г. были неоднозначно восприняты различными слоями российского общества. Несомненно, что это — трагическая страница в российской истории. Вместе с тем очевидно, что «черный октябрь» окончательно разрушил систему Советов и Советской власти. Всенародное голосование по доработанному проекту новой Конституции должно было дать ответ на вопрос, что же придет на смену власти Советов.

Выборы 12 декабря 1993 г. В соответствии с принятым решением Президента 12 декабря 1993 г. состоялись выборы в Совет Федераций и Государственную думу. Одновременно с ними проводился референдум по проекту новой Конституции. Это была не единственная особенность декабрьских выборов. Выборы в Государственную думу проводились по смешанной мажоритарно-пропорциональной системе: половина мест разыгрывалась по мажоритарной системе (от каждого избирательного округа в парламент попадал 1 кандидат-победитель) и половина — по пропорциональной системе, означавшей распределение депутатских мандатов между партиями в зависимости от количества поданных за них голосов.

Между политическими партиями и блоками развернулась настоящая предвыборная борьба за голоса избирателей. Ожидалось, что наибольшие шансы на успех имеет блок Е. Гайдара «Выбор России», наиболее близкий к Президенту. Однако результаты выборов оказались иными. Избиратели продемонстрировали свое разочарование ходом радикальных реформ. Выборы проводились в атмосфере высокой общественной напряженности, вызванной распадом СССР, октябрьским путчем. В итоге ни одна из политических партий, поддерживающих курс Президента, не набрала более 15% голосов от общего числа избирателей.

Наибольшей неожиданностью выборов стал успех Либерально-демократической партии во главе с В. Жириновским. Избиратели отдали ей более 25% голосов.

Всего на выборах 12 декабря в Государственную думу было избрано 444 депутата, в том числе 225 по общефедеральному избирательному округу и 219 по одномандатным избирательным округам.

Одним из первых решений Государственной думы стало Постановление об амнистии лицам, находящимся под следствием или содержащимся под стражей в связи с событиями 19—21 августа 1991 г., 1 мая 1993 г. и 21 сентября — 4 октября 1993 г.

Решение Думы об амнистии было неоднозначно встречено в обществе, однако оно смогло снять остроту политических противоречий, царивших в обществе после событий 3—4 октября 1993 г.

Другим важным шагом в стабилизации общественной жизни явилась поддержка большинством фракций Государственной думы Договора об общественном согласии, провозгласившего гражданский мир до проведения следующих выборов 1996 г.

За проект новой Российской Конституции проголосовала большая часть из числа пришедших на выборы россиян.

Новая Конституция России. Принятие новой Конституции РФ явилось важнейшим этапом демократического обновления России. «Такой Конституции Россия еще не имела», — заявил президент Б. Ельцин перед референдумом в декабре 1993 г.

К моменту принятия новой Конституции в России еще не закончилось формирование политических и экономических структур нового общества. Не оформились новые социальные группы и партии. В силу этих причин новая российская Конституция несла в себе черты переходного времени, определенных компромиссов. Наиболее очевидный из них — заметный дисбаланс силы между Президентом и парламентом.

Согласно новому Основному Закону, Президент получил чрезвычайно широкие полномочия. В качестве главы государства он определяет политику, назначает главу правительства, выдвигает кандидатуры судей в Конституционный суд. Российский Президент получил также право распускать Думу и назначать новые выборы в случае троекратного отклонения ею предложенной Президентом кандидатуры премьер-министра. В то же время заложенный в Конституции правовой механизм системы взаимных сдержек и противовесов не позволяет сделать эту власть абсолютной, установить единоличное правление.

Разграничение полномочий парламента и Президента исключает возможность появления на этой почве конфликтов между двумя ветвями власти, имевших место в период политического кризиса до принятия новой Конституции.

Наконец, вопрос о территориально-политической организации общества и государства, разграничении предметов ведения между Федерацией и составляющими ее частями (субъектами) решается в новой Конституции на основе принципа федерализма.

В целом новый Основной Закон представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с конституциями советского времени. Государственный строй в Российской Федерации определен как конституционный, а не общественный. Новая Российская Конституция максимально деполитизирована, именно поэтому в ней не определяется общественный строй. В Конституции четко заявлено, что Российская Федерация — демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ. Человек, его права и свободы являются, по Конституции, высшей ценностью. Признание человека (а не коллектива, класса, партии, как это было в старой Конституции) высшей ценностью, признание идеологического и политического многообразия, многопартийности, признание принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, признание частной собственности равноправной с государственной и частной собственностью на землю — все это ставит новую Российскую Конституцию в один ряд с законодательствами правовых государств цивилизованного мира.

Впервые в истории был принят документ, в котором уровень гарантируемых прав и свобод человека, механизм их защиты соответствует современным международным стандартам.

Среди новых прав человека — право частной собственности, право граждан иметь в частной собственности землю. Провозглашены также избирательные и судебные права граждан.

Конституция подвела окончательную черту под советским периодом отечественной истории. Однако реформирование общества и государства далеко еще не завершено. России предстоит пройти немалый путь к открытому демократическому обществу, к созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.